

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Л. В. Страхов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена работе Воронежского губернского жандармского управления с секретными агентами. Исследуется динамика изменения количества осведомителей с 1890-х до 1917 г., показаны основные направления агентурного наблюдения, изучается степень осведомленности политической полиции о деятельности антиправительственного подполья в губернии.*

Ключевые слова: *Воронежская губерния, жандармерия, тайный агент, осведомитель.*

Abstract: *this article is devoted to the covert intelligence work by the Voronezh gendarme police. The author investigate a number of political police informers, main objects of manned surveillance and secret police awareness of the revolutionaries activity in the governorate.*

Key words: *Voronezh governorate, gendarmerie, operant, police informer.*

Одним из основных аспектов деятельности политической полиции царской России была агентурная работа. Секретные сотрудники предоставляли необходимую информацию о революционном подполье, помогали предотвращать антиправительственные выступления, освещали настроения различных социальных групп. Основной целью статьи является анализ масштабов и эффективности агентурной работы в Воронежской губернии.

Долгие годы по объективным причинам агентурная деятельность не подвергалась научному изучению, что открывало широкие просторы для всевозможных мифов и стереотипов о тысячах тайных агентов – провокаторов. Систематическое изучение полицейской агентуры имперской полиции началось сравнительно недавно – в 1990-е гг. С этого времени агентурная деятельность уже не рассматривалась как заведомо провокаторская. Эти понятия отделил друг от друга Ю. Ф. Овченко, заметивший, что хотя провокация и применялась в работе секретной полиции, но далеко не всегда [1, с. 16]. Тем не менее, как считает А. В. Перегудов, на практике грань между осведомительством и провокацией оставалась достаточно зыбкой, особенно когда у агентов, полностью контролировать которых в условиях специфики полицейской службы не всегда представлялось возможным, появлялся соблазн ее переступить [2, с. 75].

Проблему агентуры изучала М. С. Чудакова, раскрывая принципы вербовки сотрудников и оплаты их деятельности, методы проверки и обработки получаемых секретных сведений [3]. З. И. Перегудова указала на складывающееся в начале XX в. отношение

у столичных полицейских властей к агентурному наблюдению как к основному средству получения информации. Однако при этом автор констатирует слабость ведения агентурной работы в провинциальных губернских жандармских управлениях [4, с. 211]. Также З. И. Перегудова внесла весомый вклад в выяснение общего количества постоянных агентов политической полиции: по ее подсчетам, это 1579 человек, получавших ежемесячное жалование в период с октября 1916 по январь 1917 г. [там же, с. 251]. Эти цифры подтверждают вывод Ч. Рууда и С. А. Степанова о том, что в последние несколько лет до падения самодержавия количество агентов насчитывало от 1500 до 2000 человек [5, с. 104]. К вопросу агентуры обращались практически все исследователи региональных органов политической полиции: М. А. Алексеева, А. В. Белова, В. Г. Дорохов, Д. А. Бакшт и др.

Деятельность секретной агентуры рассматривалась политической полицией Российской империи как важное средство получения информации с первых лет существования III Отделения и Отдельного корпуса жандармов. Однако в XIX в. работа с агентами велась бессистемно, не регламентируясь никакими инструкциями. Уже в первых жандармских инструкциях 1832 г. шеф корпуса А. Х. Бенкендорф предлагал штаб-офицерам узнавать, «где есть должностные люди бедные или сырые, служащие бескорыстно верой и правдой, не могущие сами снискать пропитание одним жалованием». Подчеркивалось, что это даст возможность приобрести «многочисленных сотрудников и помощников», готовых «содействовать полезными своими советами» [6, с. 137–138].

С 1890-х гг. и до 1901 г. услуги воронежским жандармам оказывали два осведомителя, получавших

за это 25 и 50 руб. в месяц соответственно [7, л. 12 об., 31 об., 61, 70 об., 81–97, 106 об., 137, 218–219 об.]. В 1903 г. в среднем месячные агентурные расходы Воронежского губернского жандармского управления (далее – ВГЖУ) насчитывали уже 206 руб. [8, л. 2–25].

Усиление агентуры связано с событиями 1902 г., когда в ряде уездов губернии происходили захваты крестьянами помещичьих земель. Дополнительные опасения властей вызвало обнаружение эсеровских прокламаций в Задонском уезде, соседнем с неспокойными территориями. ВГЖУ установило факты подстрекательства крестьян ссыльными из Москвы [9, л. 9–11, 60, 74, 90]. Однако летом 1902 г. обстановку удалось нормализовать, и агентурные расходы в целом вернулись на прежний уровень. В 1905 г. они составили 1042 руб. 50 коп. [10, с. 125]. Так что можно предположить, что количество одновременно действующих секретных сотрудников ВГЖУ в 1905 г. не превышало 2–4 человек.

Прокатившаяся по Воронежской губернии с осени 1905 г. волна антиправительственных выступлений, активизация революционного подполья, постоянные требования начальства подстегивали местных жандармов приобретать новых секретных агентов. В Воронежской губернии ключевыми объектами агентурного наблюдения признавалась крестьянская среда, армия и террористические организации [4, с. 215–216].

В августе 1906 г. право на организацию агентурного наблюдения получили жандармские полицейские управления железных дорог. Секретные сотрудники транспортной полиции действовали в полосе отчуждения железных дорог, а получаемые ими сведения направлялись в ГЖУ [11, л. 1; 12, л. 5, 5 об.].

В 1905–1907 гг. после ряда успешных полицейских операций, осуществленных на основании агентурных данных, этот способ получения информации стал считаться основным. С целью создания теоретической базы агентурной работы 10 февраля 1907 г. в Департаменте полиции (далее – ДП) была разработана «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». Что удивительно, в ДП запретили отсылать инструкцию начальникам ГЖУ. Нарушая запрет, жандармов с ее положениями знакомили руководители охранных отделений [4, с. 226]. Например, в ВГЖУ инструкция поступила в 1908 г. от начальника Харьковского охранного отделения [13, л. 103–107].

Первый параграф документа закрепил приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры («единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность») как первостепенную обязанность заведующего розыском лица. В инструкции предлагались способы вербовки агентов, обра-

ботки и проверки получаемых сведений, категорически запрещалось использование провокаторских приемов [14].

Сложно сказать, что повлияло в большей степени на воронежских жандармов: то ли инструкции и требования департаментского начальства, то ли условия революционного времени, но с 1907 г. на ВГЖУ работало гораздо больше секретных сотрудников, чем в прошлые годы. В документах за период с 1907 по 1912 г. содержится информация о 139 агентах, содействовавших в разное время жандармам [15, л. 1–31].

В 1907 г. только военная агентура ВГЖУ насчитывала 10 человек. Например, в дисциплинарном батальоне на жандармов работал командир I роты капитан Давыдов [16, л. 20]. Нельзя не упомянуть и о мещанине Е. Е. Пеле (псевдоним «Петр Семенов»), который предоставлял сведения о воронежском комитете РСДРП в 1906 г. Благодаря его донесениям жандармам удалось разгромить воронежскую военную организацию, целью которой являлась подготовка массового солдатского мятежа в регионе. 22 декабря 1906 г. Е. Е. Пель был убит революционерами, узнавшими о его сотрудничестве с полицией [17, с. 131].

К 1 июня 1908 г. агентура ВГЖУ составляла 35 человек (14 в Воронеже, 21 в уездах). Половина воронежских и все уездные агенты освещали эсеровские группы и крестьянские братства. 10 сотрудников получали регулярный оклад, не превышающий 50 руб. в месяц. Вознаграждение остальным (штучникам) выдавалось по мере получения информации и зависело от ее важности [18, л. 111, 111 об.].

В январе 1909 г. ВГЖУ получало сведения от 14 агентов, из которых 7 человек были штучниками. Половина секретных сотрудников предоставляли информацию по деятельности эсеров. Только два агента сотрудничали с ВГЖУ на протяжении длительного времени: «Третьяков» с 1 апреля 1904 г. и «Острогжский» с 1 ноября 1905 г. Остальные были завербованы в 1907–1908 гг. «Третьяков» получали самое большое вознаграждение – 50 руб. в месяц [19, л. 17, 38].

К 1 января 1911 г. агентура ВГЖУ насчитывала 8 человек в Воронеже, 12 в уездах. В течение года она увеличилась до 25 человек. Почти все агенты освещали деятельность революционных партий, большая часть фокусировалась на эсерах. Эти силы не впечатляли ДП, откуда в адрес начальника ВГЖУ в январе и в августе 1911 г. поступали требования усилить агентуру, особенно освещающую крестьянские братства [20, л. 3, 4, 98; 21, л. 83, 105, 215, 287, 304].

В 1912 г. сведения в ВГЖУ передавали 27 постоянных агентов и 5 штучников. 15 освещали деятельность эсеров, двое следили за семинарским союзом, трое информировали жандармов о военной органи-

зации, один о социал-демократах. Остальные представляли разную информацию. Из всех находящихся в 1912 г. в распоряжении ВГЖУ агентов 12 человек были завербованы в 1912 г., 14 – в 1911 г., по 3 – в 1909 и в 1910 гг. [10, с. 126]. Таким образом, относительно опытными кадрами можно назвать лишь каждого пятого осведомителя.

В течение 1915 г. информацию ВГЖУ предоставляли 47 агентов, большинство из которых были штучниками. Агентура ВГЖУ освещала положение на оборонных и железнодорожных заводах, настроения студенчества, рост цен и деятельность спекулянтов [22, л. 3–9].

С февраля 1916 г. и до последних дней существования ВГЖУ агентура управления насчитывала всего 17 человек как постоянных, так и штучников [там же, л. 60–107]. Таким образом, по сравнению с довоенным 1912 г. количество агентов сократилось в 2 раза. В связи с этим можно вспомнить подсчитанное исследователями количество действовавших секретных сотрудников в 1916 – начале 1917 гг. – 1500–2000 человек. Если судить по данным ВГЖУ, которые в принципе представляют собой типичную картину, до Первой мировой войны силы агентуры политической полиции России были больше.

Осведомительская сеть уездной полиции была на порядок сильнее жандармской. В июне 1908 г. в Острогожском уезде действовало 8 агентов ВГЖУ [18, л. 111, 111 об.]. В феврале 1909 г. на общую полицию в том же уезде работали 88 осведомителей [23, л. 17]. Поэтому офицеры политического сыска вместо самостоятельных поисков часто обращались за информацией к исправникам. К примеру, в течение 1909–1910 гг. ВГЖУ ликвидировало 8 крестьянских братств, арестовав 150 человек. Только в двух случаях жандармы пользовались данными своей агентуры, в четырех случаях сведения предоставили осведомители общей полиции [24, л. 16 об.]. Слабость жандармской агентуры в сельской местности можно объяснить малочисленностью сотрудников ВГЖУ, штаты которого не превышали 37 человек, а в отдельных уездах насчитывали не более 2 унтер-офицеров [25, л. 42].

Анализ социального состава агентуры ВГЖУ показал, что жандармы вербовали сотрудников во всех слоях населения: среди рабочих, крестьян, служащих, студентов, солдат, офицеров, духовенства и т.д. В материалах упоминаются как минимум три женщины-агента. Например, с ноября 1911 г. на ВГЖУ работала служащая воронежской земской управы вдова капитана Н. И. Ларионова («Кротов») [22, л. 5].

Финансирование агентуры осуществлялось из «секретных сумм» ДП, не подвергавшихся контролю со стороны других органов власти. Тем не менее этот фонд не был безграничным. Самые большие сметы 1913–1917 гг. предусматривали затраты на агентуру

не более 4800 руб. в год. Наибольшие фактические расходы ВГЖУ датируются 1912 г. – 4149 руб. 51 коп. за год [10, с. 126–127].

7 октября 1912 г. директор ДП С. П. Белецкий на основании поступающих в течение четырех лет отчетов констатировал слабость агентуры на местах, ее неосведомленность и «за редким исключением неспособной осветить не только грядущие события партийной революционной жизни, но даже и уже совершенные выступления». Главной причиной этому была названа инертность офицеров ГЖУ. В жандармских документах прослеживается стремление столичного руководства не только подстегивать ГЖУ к усилению агентуры, но и задавать направления этой деятельности. Подобное вмешательство не всегда оказывало положительное влияние, а иногда и просто отвлекало местные власти от более важной работы. Например, в 1915 г. в ДП требовали от начальника ВГЖУ иметь агентурное наблюдение за ячейками революционных партий, хотя тот рапортовал об их полном отсутствии в губернии. В ответ на очередное требование начальник ВГЖУ В. И. Дацевич написал, что «отсутствие как конкретных проявлений партийной работы, так и наличности местных революционных организаций не останавливает настойчивую работу чинов управления в особо трудном при современных условиях деле подыскания соответствующей партийной агентуры» [22, л. 3, 4].

О качестве агентурной работы в Воронеже можно судить по судьбе секретного сотрудника «Сокола». В августе 1909 г. агент был разоблачен в том, что долгие годы обманывал своих полицейских руководителей, выдавая себя за эсера. Однако после этого от услуг «Сокола» не отказались. Ему понизили с 25 руб. до 15 руб. ежемесячное жалование и оставили при жандармерии. Только в мае 1911 г. с «Соколом» разорвали отношения по причине «большой склонности к спиртным напиткам» [11, л. 79–84, 159]. Пьянство – страшный враг секретного агента – погубило и сотрудника «Большакова», который в 1910 г. в состоянии опьянения проговорился о своей полицейской деятельности, после чего жандармам пришлось отказаться от его услуг [24, л. 2, 5].

В целом, с 6 мая 1908 г. по 2 октября 1914 г. за дачу ложных сведений, провокаторство и за профессиональную непригодность по всей стране политическая полиция отказалась от услуг как минимум 300 секретных агентов. 11 из них сотрудничали с ВГЖУ [26].

На эффективность работы негативно влияла путаница в агентурной отчетности: начальники ГЖУ не всегда знали точное количество своих агентов, давали одинаковые псевдонимы разным людям и наоборот присваивали новое имя возобновившему свою деятельность агенту. В некоторых ГЖУ офицеры

снабжали осведомителей удостоверениями секретного агента и выдавали рекомендации с указанием принесенной ими пользы розыскному делу [27, л. 179]. Сильный удар по агентуре нанесла Первая мировая война. Многие оказались на фронте. Заменять их приходилось не имевшими необходимых связей кадрами. Не всегда жандармам удавалось защищать тайну имени своих агентов. После революции информация с данными о 34 осведомителях ВГЖУ оказалась опубликована в воронежской газете «Социалист-революционер» в номере от 25 июля 1917 г. [28, л. 1–6].

Подводя итоги, заметим, что количество секретных агентов ВГЖУ и финансовые расходы на их деятельность были небольшими. Средние размеры «жалования» агентов не превышали 20–30 руб. в месяц, что соответствовало оплате труда унтер-офицеров ГЖУ. По-настоящему серьезный размах агентурная работа ВГЖУ приобрела после 1906–1907 гг. и, достигнув своего пика в 1912 г., пошла на спад в годы Первой мировой войны. Руководство постоянно упрекало жандармов за слабость агентуры, особенно в сельской местности, требовало приобретать новых сотрудников и достаточно строго регулировало агентурную работу местных ГЖУ. В целом качество агентурной работы Воронежского управления соответствовало общему уровню провинциальной политической полиции и оценивалось столичным начальством как невысокое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. / Ю. Ф. Овченко. – М., 2010. – 232 с.
2. Перегудов А. В. От осведомителя до провокатора – один шаг : из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870–1880-х гг. / А. В. Перегудов // Воронеж народниковедческий : сборник статей. – Воронеж, 2012. – С. 57–78.
3. Чудакова М. С. Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) / М. С. Чудакова // Новый исторический вестник. – 2010. – № 23 (1). – С. 22–35.
4. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917) / З. И. Перегудова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – 528 с.
5. Рууд Ч. А. Фонтанка, 16 : Политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. А. Степанов. – М., 1993. – 432 с.
6. Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. / А. Г. Чукарев. – М., 2005. – 704 с.
7. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 32.
8. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 432.
9. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 100. – Д. 1ч. 53. л. В.
10. Страхов Л. В. Секретные расходы Воронежского губернского жандармского управления в начале XX века / Л. В. Страхов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 124–128.
11. ГАВО. – Ф. И-277. – Оп. 1. – Д. 24.
12. ГАВО. – Ф. И-277. – Оп. 1. – Д. 61.
13. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 227.
14. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения 10 февраля 1907 г. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/1010016/32/Kolpakidi_-_Specsluzhby_Rossiyskoy_Imperii_Unikalnaya_enciklopediya.html
15. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 3. – Д. 52.
16. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 316. – Д. 395ч. 27 (1898 год).
17. Разиньков М. Е. Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.) / М. Е. Разиньков, В. Ю. Рылов, О. Ю. Михалев. – Воронеж, 2006. – 312 с.
18. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 3. – Д. 63.
19. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 572.
20. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 869.
21. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 808.
22. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 316. – Д. 1ч. 16 л. Д. (1915 год).
23. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 662.
24. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 316. – Д. 1ч. 16 л. Д. (1910 год).
25. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1242.
26. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 449.
27. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 700.
28. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 3. – Д. 234.

Воронежский государственный университет

Страхов Л. В., аспирант кафедры истории России

E-mail: StrakhovLeo@yandex.ru

Tel.: 8-915-549-04-64

Voronezh State University

Strakhov L. V., Post-graduate Student of the Russian History Department

E-mail: StrakhovLeo@yandex.ru

Tel.: 8-915-549-04-64